

КАЛЬКИРОВАНИЕ В СИТУАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2009 г. Н. Ю. Авина

В статье рассматривается калькирование как одна из важных форм языковых контактов, которая проявляется на различных уровнях языка и в различных сферах функционирования русского языка в ситуации этнокультурного взаимодействия. В конкретной ситуации языковых контактов общие тенденции калькирования могут иметь специфическое проявление, связанное, в частности, с активизацией определенных типов калек.

The present article examines loan translation as one of important forms of lingual contacting that appears in diverse subsystems of the language and different fields of functioning of the Russian language in the situation of ethnocultural interaction. General tendencies of loan translation may have a specific demonstration. This is so, in particular, in relation to activation of some types of translation loan-words in certain situations of lingual contacting.

1. Вводные замечания

Калькирование – это построение лексических единиц в принимающем языке по образцу соответствующих слов-прототипов в языке-источнике с помощью: а) перевода морфем; б) заимствования отдельного значения и его включения в семантическую структуру лексемы, существующей в принимающем языке; в) перевода иноязычных синтаксических моделей в принимающем языке [1]. Определения же калек, представленные в современной русистике, различаются. Так, в лингвистических энциклопедиях калька рассматривается как “слово или выражение, созданное по иноязычному образцу, но из исконных языковых элементов, и представляющее собой скрытое заимствование, воспроизводящее внутреннюю структуру иноязычного оригинала” [2, с. 175]; калька – “образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы” [3, с. 211]. Л.П. Крысин [4] определяет процесс калькирования как создание слов из исконного языкового материала – корней, аффиксов, флексий – по иноязычным образцам. Обобщая, выделим главное в существующих определениях: калька представляет собой слово или выражение, которое создается по иноязычным моделям, но из исконных элементов; это не материальное, а структурное заимствование.

Калькирование, наряду с заимствованием, – одна из важных форм языковых контактов. В связи с этим исследование калькирования в различных ситуациях этнокультурного взаимодействия, когда в родном языке коммуникантов проявляют-

ся особенности взаимовлияния контактирующих языков, весьма актуально.

Широко кальки начали изучаться сравнительно недавно, с середины XX века (например, в работах Б. Унбегауна, У. Вайнрайха, В.В. Виноградова, Л.А. Булаховского, Ю.С. Сорокина). Исследователи отмечают, что разные языки неодинаково реагируют на языковые контакты. Так, У. Вайнрайх [1] пишет, что в одних языках основным результатом языкового контактирования являются “чистые” заимствования, в других же языках, характеризующихся определенными структурными особенностями, выбирается калькирование. Соотношение калек и прямых заимствований в разных языках различно, в некоторых языках калькирование – почти единственный способ освоения иноязычной лексики (см. об этом: [3]). Учение о кальках разрабатывается преимущественно на материале индоевропейских языков, поскольку именно их структура предопределяет активность калькирования.

Главной причиной калькирования при языковом контакте (непосредственном или опосредованном) является необходимость передачи номинаций одного языка средствами другого. Отмечая сильную тенденцию к калькированию английских единиц в норвежском иммигрантском языке США, Э. Хауген шутливо замечает: “Искушение разливать новое вино в старые мехи тем больше, чем труднее отличить старые мехи от новых” [5, с. 367]. Обычный способ лексического заимствования – обозначение средствами другого языка – имеет ограничения как языковые, так и социально-психологические. Воспринимающий язык стремится избегать чрезмерно большого

количества лексических заимствований, поскольку они являются для него немотивированными знаками. Избыток таких знаков в определенной степени может затруднить общение и мышление; привести к изменениям грамматического строя. Кальки же, по сравнению с заимствованиями, обладают большей смысловой прозрачностью (см. подробнее [6]).

Процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям. Как отмечает Л.П. Крысин, “этому есть по крайней мере два объяснения: во-первых, калек в языке (не только современном, но и, например, русском языке XIX века) несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития” [7, с. 179]. Одна и та же лексическая единица может быть объектом двух процессов интерференции – заимствования и калькирования. Такие образования известны в литературе под различными названиями: полукальки, смешанные заимствования, гибридные заимствования, межъязыковые контаминации и др. Вследствие ошибочного понимания морфолого-семантической структуры иноязычного слова возникает ложная калька, например, рус. название растения *орлики* “аквилегия” – перевод лат. *aquilegia*, воспринятого как производное от *aquila* “орел” [3, с. 211].

Сложность процесса калькирования затрудняет дифференциацию языковых явлений (см. об этом [8] и др.). Неоднозначна классификация типов калек (ср., например, [2, 3, 7, 9, 10]). В основе классификации – копируемый языковой элемент. В частности, при **словообразовательном** калькировании воспроизводится морфемная структура слова (рус. *внутримышечный* – перевод латинского *intramuscularis*); разновидность словообразовательной кальки, когда переводится только часть слова, определяется как полукалька (рус. *антитело* – франц. *anticorps*). Кальки сложных слов выделяются наиболее отчетливо, что обусловлено особенностью их словообразовательной структуры.

В основе **семантического** (смыслового) калькирования – придание слову родного языка отсутствовавшего у него ранее переносного значения по образцу иноязычного слова (рус. *ограниченный* ‘туповатый, недалекий’ из франц. *borné* ‘ограниченный’ – о территории и о человеке [3, с. 211]).

Семантические кальки выделяются труднее всего, поскольку при этом мотивация производного слова не имеет формального выражения. Калькирование может отождествляться с явлением семантического заимствования [5] – это приобретение словом нового значения благодаря своему семантическому и фонетическому сходству с каким-либо словом контактирующего языка. Чаше добавочное значение, развившееся в процессе контакта, лишь усложняет смысловую структуру слова – в направлении его специализации, сужения или конкретизации. Случаи же, когда в процессе взаимодействия слово вообще утрачивает то значение, которое имело в первичном языке, относительно редки.

Выделяется также **синтаксическое** калькирование (например, в работах В.В. Виноградова, Ю.С. Сорокина), которое рассматривается, в частности, как перенос особенностей построения фразы одного языка в другой [2], как сочетание с полужнаменательными глаголами: *Я имею насморк* – вместо: *У меня насморк* [9, с. 97].

Наконец, фразеологическое калькирование – это пословный перевод идиоматичного словосочетания: рус. *слепое повиновение* из нем. *blinder Gehorsam*: blind ‘слепой’ [3, с. 211]. Специфическая для одного языка сочетаемость заменяется калькой соответствующих слов из контактного языка. Подобные кальки определяются также как лексические, представляющие собой фразеологически связанную лексическую сочетаемость [10], или сочетаемостные, являющиеся устойчивыми сочетаниями [7]. Примеры пословного перевода устойчивых сочетаний могут рассматриваться в группе семантических калек [11].

Типы калькирования в развитии языка меняются. Например, если в русском языке XIX – начала XX вв. преобладали кальки словообразовательные, то в период последних десятилетий – кальки семантические и сочетаемостные [12].

2. Кальки в речевой коммуникации билингвов

О распространенности калек в родной речи билингвов в ситуации языкового контактирования свидетельствуют исследования русского языка зарубежья [9, 13, 14, 15 и др.]

Е.А. Земская отмечает, что калькирование оказывает влияние на речь эмигрантов всех волн и на разные уровни языка: лексическую семантику, синтаксис, морфологию: “...Калькирование (и семантическое, и синтаксическое) является одним

из самых активных видов влияния чужого языка. Кальки проникают в речь даже тех лиц, которые строго следят за тем, чтобы не допускать лексических заимствований в русский язык» [9, с. 96]. Но кальки неоднородны: «С известной долей условности, с точки зрения нарушения норм русского языка, их можно разделить на “резкие” и “нерезкие”. Первые сразу бросаются в глаза каждому говорящему по-русски и могут даже вызвать смех (*Я имею насморк*), вторые – не обращают на себя внимания, могут даже не ощущаться как кальки (*Я совсем не имею времени*)» [9, с. 97].

Как наиболее частотное выделяется калькирование: а) семантики слова, когда расширяется его значение (например, в языке русских, живущих в Америке, *класс* в значении *занятие*); б) структуры заимствованных предложений; например, с полужнаменательными глаголами *иметь*, *брать*, *делать* [9, 13 и др.]. Как один из ведущих путей проникновения иноязычных понятий в узус русских эмигрантов также выделяется семантическое калькирование в языке эмигрантской прессы первой половины XX века [11].

В нашей статье для иллюстрации анализируемых явлений используются факты русского языка (как родного) в Литве, обусловленные его контактированием преимущественно с литовским языком. Основные типы рассматриваемых калек – синтаксические, семантические (и относящиеся к ним устойчивые сочетания), словообразовательные; однако реальные трудности дифференциации калек находят отражение и в нашем материале. Исследуемые языковые факты относятся к периоду последних десятилетий. Анализируемый материал включает основные и социально значимые сферы применения языка: сферу бытовых отношений и общения; сферу общественно-политическую, научную и в определенной мере официально-деловую. Условные обозначения используемого материала приводятся в конце статьи. Примеры из живой устной речи (преимущественно на материале г. Вильнюса) обозначаются традиционно – “разговорная речь” (РР).

2.1. Синтаксические кальки

Синтаксические кальки представляют собой конструкции разного типа.

Посессивные конструкции

Посессивные конструкции отмечаются исследователями языка русского зарубежья (Е.А. Земской, М.Я. Гловинской и др.) как наиболее распространенные кальки; например, это конструкции с гла-

голами *to have* (англ.), *haben* (нем.), *avoir* (франц.) [9, с. 96]. Такой тип конструкций оказывается наиболее уязвимым и часто заменяется калькой *я имею* в речи русских эмигрантов, так как стандартным способом передачи идеи принадлежности для большинства индоевропейских языков служит глагол *to have* [10]. Следует заметить, что сочетаемость, а также ограничения на нее, не случайны: в этом отражаются семантические свойства лексик и, в конечном счете, языковая картина мира, которая свойственна данному языку [16].

Под влиянием высокочастотных в контактирующих языках конструкций с глаголами общей семантики *иметь*, *делать*, *брать* и др. подобное калькирование широко распространено в русской речи эмигрантов в разных странах – Германии, Франции, Голландии, США, Канаде, Бельгии, Австрии и др. [9]. К примеру, таковы синтаксические кальки в языке русских в Германии: *Я имела страх* (= боялась), *Он имеет хорошее отношение к русским* (= хорошо относится) [9]. При этом “говорящий специфицируется на употреблении одного глагола общей семантики, используя его в тех случаях, когда нормы русского языка требуют применения разных глаголов (например: *Он делал карикатуры* – не *рисовал*; *Я делаю кроссворды* – не *решаю*)” [9, с. 97]. В частности, в языке русской эмигрантской прессы калькируются прежде всего сочетания с глаголами *делать*, *дать*, наиболее часто встречающиеся в текстах, тематически относящиеся к спорту, культуре [11].

В русской речи билингов в Литве также встречаются фразы с глаголом *делать* вместо *готовить* (*Я люблю **делать** кушать* – РР). Доминирующими же являются иные конструкции – синтаксические кальки, в которых вместо обычного “у меня есть” используется конструкция с глаголом *иметь*: *Настроения **не имею***; *Вчера он **имел встречу***; *Учительница **имела** любимчиков*; ***Имею** время*; *Собаку **имел** в детстве*; *Ну что, водительские права уже **имеешь***? О распространенности подобных конструкций свидетельствуют различные временные формы предиката (*Вы **не будете иметь** время*? *Вы **будете иметь** урок в два часа?*), широкая валентность глагола (***Не имею где положить***; ***Еще имею чем краситься***) (РР).

Сфера распространения таких конструкций не ограничена; это яркая черта не только разговорно-просторечной стихии, но и факт речи людей образованных, владеющих литературной нормой: *Школа **имеет** 28 лет* (из публичного выступления русского директора школы); *Вы **имеете** другой цвет карандашей?* (вопрос учительницы во время урока). Такие употребления характерны также

для письменной речи и наиболее частотны в рекламных объявлениях в газетах: *Поможем быстро трудоустроиться. Каждую неделю **имеем** много рабочих мест* (Обз., № 32, 2001); *Мне 36 лет. Рост 168 см. **Имею** много женских достоинств и недостатков* (ЛР, № 10, 1999); *Мне 55 лет, живу в Вильнюсе в собственном доме, вдова, пенсионерка. Еще работаю. **Имею** машину* (ЛР, № 10, 1999). Подобные кальки отмечены также в речи телевизионных ведущих: *Он **имеет** другие планы на этот год и не сможет принять участие в конкурсе* (ТВ, 21.03.2002). Такие “нерезкие” кальки слушающими замечаются не сразу; реакцию же окружающих вызывают “резкие” кальки; ср. например, следующий диалог преподавателей университета: А. (философ): *Недавно я **имела** шок. Вхожу в аудиторию – а там никого.* Б. (филолог, реагирует с недоумением и возмущением): *Как это? **Имела шок?** Как ты говоришь?!*

Рассмотренный тип синтаксических конструкций свойствен литовскому (см. об этом подробнее в функционально-сопоставительном плане – [17]), а также польскому, белорусскому языку и местному диалекту Вильнюсского края. Вероятно, и этим также обусловлена активизация и широкая распространенность подобных сочетаний в русской региональной речи билингвов, прежде всего в Вильнюсе.

Заметим также, что подобные конструкции в отдельных случаях допустимы и в русском языке (например, выражение ***Я имею** представление об этом*), однако они лексически ограничены (ср.: *У меня есть представление об этом*).

Конструкции, связанные с различиями в моделях управления

По наблюдениям лингвистов, в различных ситуациях иноязычного окружения воздействие контактирующего языка сильнее всего проявляется в конструкциях, основанных на синтаксической связи управления (см. [10, 18, 19]).

Конструкции, связанные с употреблением предлогов

В языке русской эмиграции предлоги проявляют высокую степень неустойчивости [10]. Активная взаимозамена предлогов со значением направления и местонахождения, употребление беспредложных форм вместо предложных отмечается в русском языке, функционирующем в условиях иноязычного окружения, многими исследователями – см., например [9, 20].

В языке русских, живущих в Литве, активизация беспредложных конструкций происходит под

влиянием конструкций литовского языка. Выделим следующие типичные конструкции.

1) Употребление беспредложных конструкций вместо нормативных для русского языка предложных:

– форма родительного падежа вместо сочетания “у + род. пад. сущ. или мест.” в функции дополнения.

Подобные сочетания частотны в газетных объявлениях при переводе с литовского языка: *Живу в Вильнюсе. **Приятной** внешности. **Доброго, искреннего** характера* (ЛР, № 30, 1999); *Мне 67 лет. **Крепкого** здоровья, **полный сил. Спокойного, уживчивого** характера* (ЛР, № 39, 2000). Обратим также внимание на активизацию следующих конструкций: *Ну, как **тебе идет** учеба?* (разговор студентов-русистов); ***Мне не получилось** приехать* (из письма преподавателя-русиста); ***Мне** голова **болит*** (РР, доцент, русист); ***Мне в ноги холодно***; ***Мне уже не остается** дней **пересдать** экзамен* (РР). В России аналогичные примеры отмечаются в живой устной речи, в просторечии [21], но в Литве эти конструкции активизируются и распространяются в устной речи образованных людей, владеющих литературной нормой; в Вильнюсе, в частности, активизировать подобные употребления могут соответствующие синтаксические модели не только литовского, но и польского и белорусского языков;

– вместо сочетания “на + вин. пад.”: *5% **скидка поездкам** до 15 сентября* (ТВ, 2002, реклама);

– вместо сочетания “с помощью + род. пад.”: ***Это слово образовано суффиксом?*** (РР, вопрос студентки на занятии по словообразованию);

– вместо сочетания “в + предл. пад.”: ***Требуется квалифицированные швеи, бригады швей, гладильщицы. Шьем одну модель **большим количеством***** (Эк. Н., № 40, 2003).

Предложные конструкции вместо беспредложных встречаются реже: ***А ты умеешь есть по-японски, с **палочками?***** – вместо: *палочками* (РР) – по аналогии с литовским словосочетанием. Активный процесс замены беспредложного управления предложным, происходящий в русском языке (например, [10]), не находит отражения в нашем материале.

2) Смешение предлогов в предложных конструкциях.

Обычно это семантически близкие предлоги:

с вместо в – *Писать и читать **с очками*** (лит. *su akiniais* “в очках”); *Заходить в комнату **с туфлями*** (лит. *su batais* “в туфлях”) (РР);

для вместо **с целью** – *Для дружбы, которая могла бы перейти в серьезные отношения, познакомлюсь с добрым и порядочным мужчиной* (ЛР, № 40, 2000); *50-летний культурный мужчина без вредных привычек познакомится с женщиной для любви и дружбы* (ВВ, № 24, 2003);

по вместо **после**: *по выборе президента* (ТВ);

за вместо **через** – *Нам за две недели будет девять лет, как живем в этом доме* (РР); в лит. яз., а также польском и белорусском языках и местном диалекте соответствующий предлог имеет как пространственное, так и временное значение; это наблюдается и в русских поговорках: *Ушел – так за дверь, пришел – так за год* [22].

Конструкции, обусловленные спецификой глагольного управления

В речи русских Литвы возможны глагольные словосочетания, образованные по модели глагольного управления в литовском языке: *Благодарим вас за участие* (Р., 11.02.1993); *Пока нет оснований сомневаться словам генерала* (ТВ, 12.12.1992); *Выпуск продолжаем новостями из Сейма* (ТВ); *Предварительная запись обязательна. Спешите! Этому есть причина!* (ЛК, № 3, 2004); *Это моему методу не подходит* (РР, преподаватель-русист); *Русскому языку характерны следующие явления; Некоторые ученые отрицают правомерность выделения данной категории как нехарактерной данному языку* (примеры из магистерской работы русистики).

Конструкции с нарушением порядка слов

Типичны примеры препозиции несогласованного определения по отношению к определяемому слову – в соответствии со структурой конструкции литовского языка. Несогласованное определение может быть выражено:

– именем собственным: *Живу на Тилто улице; Мы потом с Тилто улицы получили квартиру на маршала Крылова; Я на Вышинского улице жила* (РР); *Фирмы “Гарсу пасаулис” новости* (Р); *Возле “Ogmios” мебельного центра* (Эк. Н., № 10, 2003); *Даугвиленес высшая школа предпринимательства* (ЛК, № 32, 2001); *Т. Намирской индивидуальное предприятие* (ЛК, № 41, 2001); ср. наряду с этим – порядок слов, соответствующий нормам литературного языка: *Кабинет кожных и венерических заболеваний Б. Даудерене* (ВВ, № 24, 2003);

– нарицательным существительным: *Там отца брат живёт* (лит. tėvo brolis); *Матери родители уехали в Калининград* (РР); см. также в фольклоре старообрядцев, что может быть обусловлено

выразительностью речи, ритмикой – *Матери молитвы со дна моря достанут* [22];

– словосочетанием “прилагательное + существительное”; подобные примеры частотны в газетных объявлениях, переведенных с литовского языка: *Среди завтрашнего дня вопросов выделим следующие* (ТВ); *Вам предоставляется редкая возможность отведать любого сорта отечественного пива – от самых светлых до черной густоты* (ЛР, № 46, 1999); *Недорого продаем высокого качества мужские костюмы* (ЛК, № 50, 2002); *Недорого продаю малопользованные, а также новые разных марок стиральные машины* (Эк. Н., № 41, 2002); *Продаем хорошего качества древесные брикеты* (ЛК, № 9, 2003).

Нарушение порядка слов отмечается также в других словосочетаниях, например, в аналитической форме превосходной степени: *Вопросов об экономическом положении было всех больше* (Р., 11.12.1993); в сравнительной конструкции: *...своими юридическими формулировками пытается оправдать даже такой, как “Х-а”, поступок* (ЛК, № 33, 1999).

Конструкции с глаголом **есть** в составе предиката

В речи русских по аналогии с литовским языком (а в Вильнюсе также с польским, белорусским и местным польско-белорусским диалектом) активизируется в составе сказуемого незначительный глагол **есть**, который в литературном языке обычно опускается: *Чем ты есть хуже?* – лит. *Kuo tu esi blogesnis?* (Р., из речи журналиста); *Это время есть очень удобное для жителей республики; Люди не знали, что такое есть процент в банке; Таких банков в Литве есть два; Это есть и какие-то другие познавательные программы* (Р., интервью); *В русском алфавите 33 буквы. Из них есть 10 гласных* (из устного ответа ученицы пятого класса); *И каждый год есть большие фестивали* (РР); *Так есть в двенадцати из пятнадцати стран Европейского Союза* (из письменного обращения к избирателям партии “Социал-демократия 2000”).

Специфично управление глагола **есть**, требующего, как и в литовском языке, существительного в форме родительного падежа со значением части [23] – вместо формы именительного падежа в литературном русском языке: *Есть еще новых неизвестных фамилий* (из интервью с актрисой); *Есть разных путей в этом компьютере; Работы без книжки есть; Есть же таких людей на свете; Есть бурачков неплохих, может, купим?* (РР).

2.2. Семантические кальки

Исследователи языка русского зарубежья – в Америке, Франции, Финляндии и т.д. – обращают внимание на дифференциацию оттенков, уточнение смысла близких по значению слов [9, 24], расширение семантики ряда слов и их сочетаемости, смешение слов, имеющих общий элемент в семантике [13, 14 и др.]. Едва уловимых семантических калек избежать труднее всего. Активность семантических калек объясняется психолингвистическими механизмами – ложной близостью русского и иноязычного слова; в результате у билингва возникает ошибочное представление о более широком семантическом объеме русской лексемы, и происходит перенесение в нее несвойственного значения [11]. В частности, в языке эмигрантских газет первой половины XX века семантическое калькирование активно в обозначении общественно-политических, экономических, технических, бытовых понятий.

Подобные тематические группы понятий, образованных путем калькирования, наблюдаются и в русском языке в Литве. Калькирование происходит под влиянием соответствующих слов, активных в литовском языке, путем расширения семантики (а также лексической сочетаемости). Это присуще прежде всего интернациональным словам, в которых могут наблюдаться процессы вторичного заимствования в русском языке посредством литовского языка. Например, активизируются следующие новые значения:

– **акция** ‘действие, связанное со снижением цен, скидка’: *Акция – 30%. С 15 августа по 15 сентября – пошив демизимнего пальто – со скидкой 30%* (Эк. Н., № 36, 2002); сочетаемость слова при этом самая разнообразная – *Акция осенних цен* (ЛК, № 39, 2001); *Акция месяца!* (Эк. Н., № 44, 2001); *Горячая акция* (Эк. Н., № 36, 2002); *Сентябрьская акция. Учимся вместе – папа, мама и я. Компьютерные курсы для начинающих. Акция продлится весь сентябрь* (ЛК, № 39, 2001); появляются также производные: *Суперакция. Швейная машина из Германии + оверлок в подарок* (Обз., № 20, 2005);

– **студия** ‘курс, учебная дисциплина’: *Сейчас он руководит центром студий глобализации Йельского университета* (ЛК, № 50, 2001); *Как называется эта студия?* (РР) (здесь – в смысле ‘изучение, обучение’);

– **термин** ‘срок’: *Нужно все решить в определенные термины* (ТВ) – лит. terminas 1. ‘термин’; 2. ‘срок’. Заметим, что слово *термин* и его производные в другом значении ‘договориться о

времени приема у служащего или врача’ прочно вошли в обиход русских эмигрантов в разных странах, ср. пример из [9]: *Ну как вы там, еще не отерминились?*

В речи билингвов отмечается также семантическое калькирование, не связанное с интернационализмами, например, *красивая погода* – по аналогии с лит. gražus – 1. ‘красивый’; 2. ‘хороший’ (РР). При взаимодействии с литовским языком трансформируется и специализируется значение некоторых слов, попавших в общественно значимый контекст. Например, *староста* ‘административно-должностное лицо’: *Столица – единственный город в Литве, территория которого разделена на 20 сянюний, городскую власть в них представляют старосты* (ЛК, № 45, 1999); *староста фракции* (ТВ, “Неделя”, 16.01.1996). Слово *уния*, используемое в русском языке обычно в значении ‘объединение государств’ и ‘объединение православной и католической церкви’, приобретает новое значение, связанное с современной банковской системой: *Кредитная уния Вильнюсского региона. Весенняя акция!!! Вклады от 12 месяцев – 5,5%* (ЛК, № 12, 2006).

Для ряда слов характерна утрата стилистической окраски “устаревшее” – в литовском языке подобные слова, сходные по звучанию, стилистически нейтральны: *Точная дата, до которой можно подавать прошения о восстановлении права собственности на землю, не установлена* (ЛР, № 39, 2000) – ср. лит. prašymas; *Подозреваемый доставлен в арестантскую* (ЛК, № 9, 2001) – лит. areštinė; *Вождя союза на пресс-конференции охранял телохранитель* (ЛР, № 10, 1999) – лит. vadas – 1. ‘вождь’, 2. ‘командир’.

Выделим кальки, связанные с устойчивыми сочетаниями. Как отмечает М.Я. Гловинская [10], в условиях языкового контактирования перед влиянием другого языка говорящий оказывается особенно беззащитным на “фразеологизированных” участках языка, которые регулируются не общими, а специальными индивидуальными правилами. К таким участкам относится фразеологически связанная лексическая сочетаемость.

Так, русские билингвы в Литве могут сказать не *поставить*, а *написать* оценку (лит. parašyti); не *потратить*, а *выпустить* деньги (лит. išleisti); не *сделать* укол, а *впустить* лекарство (лит. įleisti); не *сдать*, а *(вы)держать* экзамен (лит. išlaikyti); *А можно держать экзамен без контрольной работы?* (РР). Относительно словосочетания *держать экзамен*, устаревшего для современного русского языка, Е.А. Земская [9] замечает: оно

используется многими старыми русскими эмигрантами в разных странах.

Подобные выражения, обычно распространенные в непринужденной разговорной речи билингвов, отмечаются и в письменной речи: *К началу 1997 года экзамен по государственному языку выдержали 40 тысяч 141 человек ...* (ЛР, 4.01.1997); *Любезно приглашаем вас 28–30 мая на весеннюю ярмарку* (Эк. Н., № 22, 2004); *Любезно приглашаем посетить кафе “Саулима”* (ЛК, № 41, 2001) – лит. *maloniai*, ср. “с удовольствием; рады”; *Малопользованные (из первых рук), в хорошем состоянии ... товары от состоятельных людей из Германии* (Эк. Н., № 44, 2001); лит. *iš pirmų rankų* – “малоиспользованный”.

Кальки, представляющие собой устойчивые сочетания, отмечаются также в русском фольклоре старообрядцев в Литве, а некоторые из паремий распространяются в русском просторечии: А.: *Он дома? Б. (с досадой): А ... пошел собакам сено косить* (лит. *išėjo šunims šieno pjauti* – о пустом времяпрепровождении).

2.3. Словообразовательные кальки

По мнению исследователей языка русского зарубежья, словообразовательные кальки в живой устной речи не распространены (см., например, [9]). Рассматривая язык русской эмигрантской прессы, А. Зеленин [11] предполагает, что для экспериментов со словообразовательными кальками при выражении новых понятий наиболее благоприятен язык публицистики. Это обусловлено тем, что возможность визуального оценивания поморфемного перевода иноязычного слова на русский язык многократно выше, чем при оценивании новообразования в неконтролируемой спонтанной речи. Но, оказывается, и в языке эмигрантской прессы словообразовательные кальки являются единичными и используются для наименований преимущественно жилищно-бытовых или технических, изредка – в некоторых тематически замкнутых сферах лексики (например, связанной со спортом).

Наш материал также подтверждает непродуктивность словообразовательного калькирования. Вот немногочисленные примеры в текстах русскоязычных газет: *Принимаются учащиеся с полным и неполным 9-классным образованием* (Эх. Л., 14.07.1998); *devynių klasių* – “девятилетний”. Яркой приметой устной речи, прежде всего носителей русского просторечия в г. Вильнюсе, являются прилагательные и наречия с приставкой *за-* в значении ‘слишком’: *загорячий чай, заузкое*

пальто, замало заплатили и др. Производные по данной модели функционируют как в литовском, так и в белорусском, польском языках и местном диалекте, например, *замного*: лит. *perdaug*, бел. *замнога*, пол. *zanadto*. Активность калькирования определенных словообразовательных типов, таким образом, может усиливаться в многоязычной среде под влиянием нескольких контактирующих языков и обуславливаться их структурными особенностями.

Следующие же случаи употребления можно рассматривать либо как словообразовательные кальки литовских слов, либо как смешение русских синонимов и паронимов, также характерное для ситуации языкового контактирования: *Можно будет увидеть выдержки из балетов “Баядера” и “Золушка”* (ЛР, январь 1999); лит. *ištrauka* – “отрывок, фрагмент”; *Человек почти уничтожил себя* (Р.); лит. *išnaikinti* – “уничтожить”.

Заключение

Рассматривая калькирование в ситуации этнокультурного взаимодействия, отметим, что кальки – активная форма языкового контактирования. Она проявляется в разных подсистемах языка и характерна для различных сфер функционирования русского языка. Калькирование отмечается как в устной, так и письменной речи. Наш материал, касающийся языка русских, живущих в Литве, подтверждает это. Между тем при дифференциации и анализе калек возникают определенные затруднения; кальки выявляются сложнее, нежели другие типичные факты языкового взаимодействия.

В конкретной языковой ситуации основные тенденции калькирования могут иметь специфическое проявление, обусловленное разными причинами. Так, в ряду различных типов калек – семантических, словообразовательных, синтаксических – наиболее распространены, судя по нашему материалу, последние. Синтаксическое калькирование реализуется чаще всего в предложных и беспредложных конструкциях разнообразной структуры. Это использующиеся в различных сферах функционирования русского языка посессивные конструкции с глаголами общей семантики, а также другие конструкции: обусловленные моделями управления и связанные обычно с употреблением или смешением предлогов; конструкции с нарушением порядка слов; конструкции с глаголом *есть* в составе предиката.

Словообразовательные кальки немногочисленны.

При дальнейшем исследовании калькирования в ситуации этнокультурного взаимодействия в ряду различных вопросов важным является установление причин (как экстралингвистических, так и лингвистических, связанных, в частности, со структурными особенностями языков, взаимодействующих с родным языком билингвов), по которым активизируются те или иные типы калек.

Условные сокращения

- ВВ – газета “Вильнюсский вестник”
 ЛК – газета “Литовский курьер”
 ЛР – газета “Легувос ритас”
 Обз. – газета “Обзор”
 Эк. Н. – газета “Экспресс неделя”
 РР – разговорная речь
 Р. – передачи Литовского радио
 ТВ – передачи Литовского телевидения
 Эх. Л. – газета “Эхо Литвы”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. III. М., 1999.
2. *Добродомов И.Г.* Калька // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
3. *Арапова Н.С.* Кальки // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.
4. *Крысин Л.П.* Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М., 2007.
5. *Хауген Э.* Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
6. Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989.
7. *Крысин Л.П.* Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2008.
8. *Пфандль Х.* О видимых, невидимых и скрытых англицизмах в русском и словенском языках // *Slowo. Text. Czas.* – VI. Szczecin; Greifswald, 2002.
9. *Земская Е.А.* Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья. Москва; Вена, 2001.
10. *Гловинская М.Я.* Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Москва; Вена, 2001.
11. *Зеленин А.* Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб., 2007.
12. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
13. *Голубева-Монаткина Н.И.* Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции // Русистика сегодня. № 1. М., 1995.
14. *Протасова Е.Ю.* Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.
15. *Авина Н.Ю.* Родной язык в иноязычном окружении. Москва; Вильнюс, 2006.
16. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
17. *Мустейкис К.* Функциональная грамматика русского и литовского языков. Введение. Посессивность. Вильнюс, 1998.
18. Функционирование русского языка в родственном окружении. Минск, 1981.
19. *Семенова Е.* Как преподавать русский за рубежом: форум в Берлине // Отечественные записки. 2005. № 2.
20. *Прокуровская Н.А.* Город в зеркале своего языка (На языковом материале г. Ижевска). Ижевск, 1996.
21. *Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.
22. Русские пословицы Литвы / Изд. подготовили Ю.А. Новиков и Т.С. Шадрин. Вильнюс, 1992.
23. *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Ketvirtoji pataisyta laida.* Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. Vilnius, 2005.
24. *Грановская Л.М.* Русский язык в “расеянии”. Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.